

Мечник

Снова настал день, когда ветер и ливень не знали пощады. Безжалостные холодные струи извивались по крышам временных навесов и лачуг, стекая по старым размытым колеям и раз за разом подтачивая хрупкие строения. Бесконечные починки и латание дыр не могли длиться вечно. После множества правок и чертежей, сменивших друг друга, проект деревянного дома наконец обрёл свой окончательный вид. И хотя этим ещё не построенным зданиям было далеко до звания «испытанных временем», люди с воодушевлением принялись за работу, ведь великая стройка началась.

Прежде чем приступить к делу, Фарфадэ внимательно изучил пожелания будущих жильцов. Большинство из них не отличалось притязательностью: обычные сельские дома, в сущности, везде одинаковы. Людям требовалась крепкая кровля над головой да небольшой участок земли, где можно было бы посадить что-нибудь полезное.

В прошлой жизни быт большинства из них мало чем отличался от этого. Обычно это были длинные просторные дома, где под одной крышей ютилось от пяти до одиннадцати душ. Почти всё пространство занимали кухня и общая жилая зона — ведь именно у кухонного очага протекала большая часть жизни. Женщины босиком хлопотали у плиты, а мужчины грелись у огня, на досуге чиня нехитрый крестьянский инвентарь. В остальном же в доме могло быть всего одна или две комнаты: одна — парадная, для гостей и домашнего алтаря, другая — для сна.

Зачастую вся семья спала вповалку в одной комнате, в лучшем случае разделяя пространство дощатыми перегородками. В некоторых домах имелись чердаки, куда вела крутая лестница; многие коротали там детство среди мешков с зерном, вековой пыли и старого хлама.

Хельзе в своих рассказах также упоминала об особенностях животноводства. Семьи побогаче держали скот; самыми зажиточными считались владельцы лошадей — по сути, мелкие землевладельцы, жившие тем, что сдавали экипажи внаём или продавали скакунов. Разумеется, их достояние не ограничивалось одними лишь лошадьми. Иногда одного-двух сыновей из таких семей отдавали в армию. Они не всегда возвращались домой, нечасто добивались чинов и наград, но всаднику на службе всегда жилось легче, чем пешему. Те, кто жил чуть скромнее, держали коров и овец: крестьянину нужен был бык, чтобы пахать землю, и корова ради молока, а овцы давали мягкую шерсть. Обычные же семьи довольствовались парой кур или уток.

Рассудив так, Фарфанозэрс решил оставить между домами достаточно места, чтобы в будущем жильцы могли пристроить к ним хлева или загоны. Впрочем, лорд понимал, что это дело далёкого будущего. Те, кто занимался приручением существ Преисподней, до сих пор не добились ощутимых успехов, да и в случае удачи животных первым делом разместили бы в замковых конюшнях. Кроме того, в домах предусмотрели возможность установки перегородок — ведь лишь немногие здесь были связаны кровным родством, а чтобы долгая совместная жизнь не превратилась в кошмар, следовало заранее свести число поводов для раздоров к

минимуму.

В этой череде размеренных дней случилось и несколько добрых событий. Прежде всего, наконец-то вылупились змеиные яйца. Крошечные змейки толщиной в палец мирно спали в корзинках на мягких подстилках. Нрав у них оказался кротким. Гусь-монстр уверял, что обилие пищи умиряет их охотничий азарт... Впрочем, при должном обучении в них вполне можно было пробудить свирепость.

— В свирепости нет нужды, — отверг это предложение Фарфаноэрс. — Сейчас мне нужны лишь надёжные средства передвижения.

Когда вторая жатва Пшеницы-ежа была уже не за горами, небеса затянуло густым зелёным туманом. Клубничные лягушки, большая часть которых была истреблена, вновь начали понемногу объявляться в окрестностях, но теперь они не представляли серьёзной угрозы. Однажды ненастным утром в Блуждающем хвойном лесу, что замер на дальней равнине, обнаружилось множество поваленных бурей стволов. Обитатели замка хотели было перетащить дерево к себе, но Фарфаноэрс их остановил.

Обычно древесину заготавливали в лесах на северном склоне горы, а Блуждающий лес представлял собой замкнутую экосистему, даже если он временно лишился своего Дерева-авангарда и не мог двигаться.

— Блуждающий лес странствует уже много веков, и он не похож на другие чащи. Это иная, более хрупкая форма самодостаточности. Мы уже взяли от него достаточно ресурсов, и если продолжим в том же духе, можем окончательно разрушить его внутренний цикл, — Фарфаноэрс коснулся пальцем карты. — Один упавший ствол даёт жизнь множеству существ: насекомым, грибам, мхам... Пусть остаётся там, где пал.

Остальные плохо понимали, что такое этот «цикл», но раз Повелитель сказал — пришлось подчиниться. Видя, что никто не спорит, Фарфаноэрс даже немного удивился. Он-то приготовился пуститься в долгие объяснения, но, похоже, ему просто не дали возможности блеснуть красноречием.

— Хотите знать почему? — спросил Адам.

— Почему?

— Эх, господин, — вор усмехнулся. — Вы по адресу обратились. На самом-то деле я и сам понятия не имею.

— ...

— Ну вы же понимаете... Когда начальство такое суровое, все невольно начинают

побаиваться... Кхм, господин, только не смотрите на меня так, пожалуйста...

«Надо было попросить Ансеринуса сварить какое-нибудь зелье, чтобы ты наконец замолчал».

Фарфаноэрс, решив не тратить время на этого болтуна, взмахнул плащом и в одиночестве стал спускаться по лестнице.

К этому времени главный зал замка начал обретать благообразный вид. Отремонтированный деревянный пол и перила лестницы теперь были настолько крепкими, что выдержали бы поступь самого грузного полководца. Яркий, неугасающий свет ламп был заслугой одной девушки, которая нашла в лесу плоды, похожие на персики. Когда она принесла их в замок, расспрашивая всех подряд об их свойствах, Фарфаноэрс с первого взгляда узнал в них Восковые персики. Эти плоды были совершенно несъедобны, зато из них делали отличные свечи. Один такой плод мог давать свет в течение пяти часов, источая при этом едва уловимый аромат, который могли почувствовать лишь люди с самым острым обонянием. Теперь эти персики покоились в светильниках, безмолвно раскрывая свою огненную природу. Фарфаноэрс шёл по коврам, скрывавшим следы былой разрухи, и его тень в мягком золотистом свете становилась всё длиннее и длиннее.

Сам же обладатель этой тени по-прежнему выглядел как мрачный юноша с характером, который он сам считал довольно заурядным. Он и не знал, дождётся ли когда-нибудь перемен... А может, подобные мысли были лишь пустой тратой времени.

Буквально на следующий день после того, как Фарфаноэрс неосторожно обронил фразу: «Что-то в последнее время стало слишком спокойно», — из своей лаборатории явился тот, кто этот покой и нарушил. Гвидо размахивал кипой исписанных листов, явно намереваясь подкинуть работы лорду, который едва успел перевести дух.

— Символы! Ритуалы! Истоки силы! — вещал алхимик. — Строки слагаются в стихи, музыкальные фразы — в мелодии... Чем великий человек отличается от мертвеца, и в чём разница между демоном и великим мужем? Почему те сокровенные истины, к которым я не смел прикоснуться при жизни, теперь даются мне с такой легкостью? Это Эфир? Неужели в мире живых Эфира вовсе не существует? Или же он там слишком разрежен?!

Застигнутый врасплох этим градом вопросов, Фарфаноэрс мог лишь подумать: «Хороший вопрос, я бы и сам хотел знать... Прости, Гвидо, но из всего этого мне знакома лишь эфирная сеть».

— Полегче, — он поднял руку, призывая старика успокоиться.

Теперь понятно, почему Гвидо так долго возился с благовониями: оказывается, он на полпути снова переключился на свои алхимические изыскания... Неужели нельзя заниматься

проектами по очереди? Кто за многим гонится, тот ничего не поймает.

Чтобы не давать Гвидо и дальше развивать его безудержные мысли, Фарфаноэрс велел ему подготовить подробный доклад, если у него есть дело, а если нет — пойти и проведать Клафну или Шапука.

Что касается Шапука — ох, этот человек всё ещё до смерти боялся Фарфаноэрса. К тому же здесь не было других выходцев из Финсе. Гитна, хоть и владела их языком, была слишком сурова... Поэтому, за неимением срочных дел, вопрос с Шапуком пока оставили как есть.

Услышав о Клафне, Гвидо оживился и тут же отбросил в сторону свои алхимические наброски.

— У души тоже бывают разные формы?

— Да, — подтвердил Фарфаноэрс. — Но подробностей я... — он хотел было сказать, что это секрет, но в итоге решил ответить честно: — ...не знаю наверняка.

— В вашем описании та леди прозрачна, но прозрачно лишь её тело. Это вполне соответствует представлениям людей о духах... Но бывают ли у душ иные формы?

— Возможно.

— Ну вот, вы снова напускаете туману!

— Дело не в том, что я не хочу говорить. В моем понимании природа души именно такова... Формы могут различаться, но сейчас у большинства здесь облик обычный.

— И вы никогда не видели иного? — Гвидо задумался. — Я до восемнадцати лет не видел моря, но это не значит, что я не знал о его существовании... Каковы же условия для перемен?

— ... — Фарфаноэрс слегка прищурился. — Это зависит от самого человека... от его души. А также от окружения... И от чего-то ещё, чего я не помню.

— Переменные и константы, — как истинный алхимик, Гвидо мгновенно перевёл слова лорда на язык своих терминов. — Нам известно, что существа Преисподней ядовиты. Так? Возможно, дело в длительном употреблении необработанной пищи... нет, нельзя точно сказать, накопительный это эффект или результат поедания чего-то конкретного. Жаль, нельзя провести эксперимент... Пойдите, та женщина ведь прибыла недавно, верно?

— Верно.

— Значит, влияние среды можно исключить — по крайней мере, на первых порах. Её нынешнее состояние обусловлено её собственной сутью — её душой, её прошлым. Что же в ней такого особенного? В чём уникальность её духа?

— Пока неясно, — Фарфаноэрс ещё не был настолько силён, чтобы одним взглядом раскрывать биографии всех встречных. — Однако она из тех, кто сражался на арене. Она — мечник. Скажите, в мире живых они сильно отличаются от рыцарей?

— О, рыцарь — это титул, посвящение и удел. А мечник... в большинстве своём это простолюдины, наёмники, пробившие себе путь силой. Они участвуют в состязаниях на потеху знати. Тут всё зависит от места: на приличных аренах устраивают лишь показательные бои, исход которых оговорен заранее. Кроме того, мечники часто выступают в качестве наёмных бойцов, заменяя дворян в судебных поединках — хотя каждый год находится парочка безумных аристократов, которые лезут в драку сами. Те, кто добился успеха, становятся учителями фехтования. Ну и есть нелегальные арены, где всё всерьёз, до самой смерти.

— ... — Фарфаноэрс склонил голову набок. — Звучит скорее как описание ремесла или спорта.

— И больше ничего о ней не известно?

— Только то, что она мечник. И она не может говорить.

— Вот как... Что ж, я понял.

Гвидо рассудил, что лорд намекает ему: не стоит лезть не в своё дело и докучать даме расспросами.

«...» — Фарфаноэрс посмотрел на него с недоумением. Что ещё ты там себе надумал?

Немного поразмыслив, лорд решил оставить попытки постичь логику Гвидо, которая напоминала бездонную черную дыру. Лишь бы старик снова не впал в экстаз и не заставил его самого писать какие-нибудь трактаты.

<http://bllate.org/book/16116/1588599>